

Андрей Никонов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н64

Серия «Попаданец»

Выпуск 128

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Никонов, Андрей

Н64 Управдом: роман / Андрей Никонов. — Москва:
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2022. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-147377-8

Двадцатые годы прошлого века. НЭП. Сергей Олегович Травин, агент угро, направлен на хозяйственную работу в провинциальный городок, который сотрясает череда разбойных нападений.

Как известно, оперов бывших не бывает, поэтому Травин оказывается в гуще событий...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147377-8

© Андрей Никонов, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны.

ГЛАВА 1

Март 1927 года

Рогожский уезд, Московская губерния

— Пошла вон! — тощий невысокий мужчина, в расшитой косоворотке, с редкими жирными волосами и с изрытым оспой лицом, вскочил, ударил по столу так, что тарелки подскочили. — Приживалка! Ты что вздумала, бездельничать?!

Девочка восьми лет в поношенной одежде стояла возле лестницы на второй этаж, опустив голову и сложив руки на животе.

— Ты посмотри на нее, — брызгая слюной, орал хозяин дома, — пригрели змею на груди. Ты понимаешь, дура, что продуктов на семь рублей испортила? Соли она не пожалела! Сама будешь это жрать вместе с очистками. Вон, ступай к себе, и чтобы я тебя не видел, мерзавка!

Девочка покорно пошла наверх, в свою каморку на чердаке — рядом с печной трубой в огороженном закутке было тепло, хозяин дома

любил уют и топил часто, не жалея дров. Она не плакала — к такому обращению за те два года, что жила в семье дальней родственницы, девочка привыкла.

Родственница проводила девочку равнодушным взглядом — сводного брата, от которого осталась сирота, она почти не знала. По мнению женщины, противная девчонка должна была быть благодарна ей по гроб жизни за то, что у нее была крыша над головой, ежедневные объедки со стола и кое-какая одежда. Другие дети вообще жили на улице и хорошо если раз в неделю ели досыта в коминтерновской столовой.

Еда была не то что сильно пересолена, просто у мужчины выдался сегодня непростой день. Зато следующий обещал быть куда лучше, полученные с последней продажи мануфактуры триста червонцев практически довели до нужной черты ту сумму, которую он держал в уме. Советская власть, отдавшая частным дельцам на прокорм собственные ресурсы, в последнее время закручивала гайки, дела вести было все труднее и опаснее. С одной стороны, к жирному куску подбирались урки и жиганы, с другой — фининспектор и прокурор, и неизвестно, кто больше откусит.

В дверь постучали.

— Это кто еще? — недовольно проворчала женщина. — Опять твои дружки?

— Сейчас посмотрю... — Мужчина встал, прошел в сени, отворил тяжелую, обитую с обратной

стороны железом дверь. И пятясь назад, вернулся в комнату.

— Ну что, Ефим, я слышал, ты сегодня в банке был, — гость был не один, вместе с ним в столовую вошли еще двое. — Все забрал, подчистую, как метлой прошелся. Сбежать решил, думал, мы не узнаем?

— Нет, что вы, даже в мыслях не было, вот те крест, — хозяин дома размашисто перекрестился, — долю вашу приберег и хотел еще в новую мануфактуру вложиться, все для дела, разве ж я могу чего замыслить.

Тем временем двое гостей подошли к женщине, та поднялась, недовольно глядя, и презрительно фыркнула. Один из прищельцев, недолго думая, заехал ей кулаком в живот, второй подхватил падающую хозяйку, заткнул ей рот грязной тряпкой и бросил на стул. Первый достал из сумки ремни, споро привязал женщину к стулу, ослабил.

— Готово, барин.

— Баре все в Париже, — главный неодобрительно покачал головой. — Ну что, Ефим, с кого начнем, с тебя или с нее? Бабу тебе свою не жалко?

Первый бандит хрюкнул, рванул на женщине платье, обнажая слегка отвисшую грудь.

— Делайте что хотите, не виноват я, — Ефим грохнулся на колени, попытался пустить слезу, та никак не хотела появляться, сколько ни моргал, а вот трясучка от страха тут как тут, аж судорогой тело свело. — Все до копейки отдам, только

не в доме деньги, идти надо. Захоронка в надежном месте, чтоб от татей подальше.

Главный усмехнулся, посмотрел на подельников.

— Врет, — уверенно заявил второй.

Он подскочил к стоящему на коленях хозяину, заломил тому руки назад, связал, заткнул рот. И, выхватив из кармана нож, полоснул по уху.

Ефим взвыл. Теплая кровь тонким ручейком потекла к шее, оттуда под ворот рубахи, обильно ее промачивая красным. Отрезанное ухо перед глазами подействовало куда лучше слов. Он раскололся за несколько минут, мало того, сам с сопровождающим сходил в подвал, подволакивая ногу с раздробленными пальцами, помог дрожащими руками отодвинуть камень, за которым лежала сумка с бумажными червонцами. И там же показал еще два схрона, с царским золотом и камушками.

— Все на месте, — доложил первый бандит, пересчитав деньги, — все тридцать тысяч.

— Кончай его, — распорядился главный. — Только без этих твоих шалостей.

— Девчонка тут еще была, — напомнил второй. — Сиротку к себе взяли. Если здесь, может заложить.

Первый достал топор, проверил лезвие на пальце. Хозяин дома пытался что-то сказать, вымолить, но только мычал и дергался, пока ему не раскроили череп.

— Я погляжу, — главный кивнул, направился к лестнице. — Сам разберусь.

— А с этой что? — первый подручный кивнул на женщину. — Вроде ничего еще, а? Позволь развлечься.

— Делайте что хотите, — равнодушно сказал главарь, ставя ногу на ступеньку. — Только чтобы без шума, не хватало нам тут незваных гостей.

Он прошелся по второму этажу, заглядывая в комнаты — там тоже было немало добра, потом его подельники пройдутся, осмотрят пристальнее, доберут. И подошел к узкой лестнице на чердак.

Девочка с чердака слышала неясный шум. Сначала говорили тихо, потом тетя закричала, коротко и пронзительно, и тут же затихла. Через некоторое время завыл хозяин, так страшно, что аж пробиравало до печенок. Девочка забилась в свой закуток, закуталась в рваное, сшитое из лоскутов одеяло, зажмурила глаза. И услышала, как кто-то прошелся по чердаку, скрипя половицами и заглядывая в каждый угол.

— Вот ты где, — услышала она голос. Глаза открывать не стала, съежилась, крохотная слезинка покатилась по щеке. И вдруг почувствовала на голове руку, та погладила ее по волосам.

— Не бойся, я тебя не трону, — негромко сказал незванный гость. — Только сиди тихо, договорилась? А вниз лучше не спускайся, тебе такое рано еще видеть, дождись, когда милиция появится.

И ушел.

Май 1927 года

Москва

К десяти часам вечера солнце уже практически не освещало московские улицы, а тусклые фонари, висящие на столбах, не давали достаточно света, так что автомобиль с погашенными фарами, подкативший к дому номер три в Большом Гнездиновском переулке, в котором располагалось Московское управление уголовного розыска, на фоне темного здания был практически незаметен. Чадящий дым, вылетающий из чихающего глушителя, заставил часового чихнуть, но быстро рассеялся — ветреная погода с дождями стояла уже второй день. Редкие прохожие на машину внимания почти не обращали, через десять лет после революции автомобилем москвичей удивить было трудно — по Москве вовсю уже катались четырехколесные экипажи, закупленные городом у французской компании «Рено», постепенно вытесняя извозчиков и распугивая их лошадей визгливыми звуками клаксонов.

Машина объехала здание и остановилась у неприметной двери, возле которой тоже стоял часовой. Со стороны водительского сиденья вылез молодой человек, высокий — если считать по декрету 1918 года в сантиметрах, рост его был 192 сантиметра, ну а если в старорежимных единицах — два аршина и одиннадцать с небольшим вершков, светловолосый, с серыми глазами и тяжелым подбородком. Крепкого телосложения, с широкими плечами, подтянутый, одетый в штатское, с охотничьим значком на лацкане

кожаного пиджака, и в бриджи, заправленные в яловые сапоги. На шее висел шлем с большими очками, а на кожаном ремне — кобура с командирским наганом.

С заднего сиденья выпрыгнули еще двое, пониже ростом и без шикарных шлемов, тоже со значками, только уже комсомольскими, кое-как достали один деревянный ящик, поставили на землю, следом за ним появился второй, полегче.

Молодой человек отогнул лацкан, демонстрируя часовому треугольный значок с красной эмалевой окантовкой и личным номером, без натуги подхватил верхний ящик, двое его сопровождающих ухватили второй.

— Ты уж присмотри, товарищ, будь добрый, — водитель кивнул на авто. — Просто так не уволочь, но пригляд не помешает, машина казенная.

Часовой важно кивнул. Молодого человека он знал.

Троица зашли в дом, когда-то принадлежавший коллежскому советнику Еропкину, а следом за ним известному драматургу и инспектору Императорских театров Тарновскому, отметились на посту; двое сопровождающих вместе с ящиками прошли в небольшую комнату и там заперлись, а молодой человек со шлемом легко взбежал по мраморной лестнице, хранившей дореволюционное великолепие, на третий этаж и, пройдя через пустую в это время суток приемную, зашел в небольшой кабинет, значительную часть которого занимал массивный стол. В кабинете тут же стало тесновато.

— Товарищ начальник Московского управления угро, агент второго разряда Травин по вашему приказанию прибыл.

За столом сидел лысеющий человек средних лет, с небольшими усиками, в гимнастерке с тремя ромбами на петлицах и двумя орденами — Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, двух высших наград РСФСР.

— Груз с собой? — устало спросил он.

Агент Травин кивнул.

— Ладно, что там у вас? — начальник МУУРа Василий Васильевич Емельянов вздохнул. — Из-за чего так Осипов переполошился?

— Банду Крапленого взяли наконец-то... — Сергей продолжал стоять, хотя рядом со столом стояли два стула для посетителей. — Ну ты помнишь, те самые налетчики, которые кассиров губернского банка расстреляли этой зимой, а на прошлой неделе магазин с мехами обнесли, который на Моховой. На малине их повязали, сволочей, всех шестерых, двоих, правда, утихомирить пришлось, зато четверо живы. У нас почти без потерь, одного из дружинников подстрелили, Кошевого, но выживет, ранение легкое.

— И что такого важного вы у Крапленого нашли, что Николай Филиппович вызвонил меня на ночь глядя?

— Так гляди, Василь Василич, — Травин покопался в наплечной сумке, выложил на стол револьвер с коротким стволом. — Американские, только в этом году начали производить. Называются — «кольт детектив спешал», вроде как по-

лицейские их носят незаметно. Откуда-то у этих мокрушников иностранное оружие появилось, причем новое, неотстрелянное. Значит, есть канал контрабанды, туда наверняка золотишко утекало, обратно — кнуты¹. Кроме этого, там еще апельсинов² целый ящик, бельгийских. Тыльнер к ним на хазу поехал с бригадой, там у них главный схрон, а меня сразу к тебе отослали, Филип-пыч сказал, что это дело политическое.

— Сколько таких револьверов нашли? — начальник взял один, повертел в руках. — Удобный, можно носить скрытно, и ствол не надо отпиливать. Нам бы такие.

— Почти четыре дюжины. И апельсинов, то есть гранат, штук пятьдесят.

— Однако. Значит, точно на продажу завозили. Себе сколько взял?

— Обижаете, товарищ начальник.

— Травин! Давай без этих твоих фокусов.

— Один, — Сергей вздохнул, полез в карман, достал такой же кольт, как тот, что уже лежал на столе, но отдавать не спешил. — Красивая вещица, не удержался.

— Гранату тоже как сувенир взял?

— На хрен она мне, пока размахнешься, сто раз подстрелят. То ли дело пистолет. Для дела же, Василь Василич, не для себя.

¹Кнуты — револьверы (здесь и далее воровской жаргон в основном приведен из «Словаря жаргона преступников», сост. С. М. Потапов. М., 1927).

²Апельсины — гранаты.

— Ладно, оставь, только не свети им пока, оформим тебе как служебное. Где задержанные?

— В отделении, под охраной сидят, сюда везти не стали пока. Там казематы еще царские, замки — рулеткой не открыть. А на малине засада, покупателя ждут, с минуты на минуту объявиться должен.

— Хорошо, — начальник снял телефонную трубку. — Науменко, соедини-ка меня с Артузовым, да поскорее.

— Артур Христианович, привет, Емельянов беспокоит из МУУРа. Узнал? Чего так поздно? А есть повод. Ребята мои банду взяли, так там вещички интересные, аккурат по твоей части, ты уж, будь добр, пришли кого-нибудь. Сам будешь? Да, только что вернулся, а тут такие события. Жду. Бандиты? В Сокольниках сидят, в райуправлении. Хорошо, сейчас распоряжусь.

Он кивнул Травину, не отрывая трубки от уха.

— Потапов? Охрану к грузу распорядись усиленную, который внизу, и чтобы смотрели в оба. А теперь обратно на коммутатор переведи. Дай-ка мне Осипова, он в Сокольниках сейчас.

— Николай Филиппыч, Крапленный не сбежал еще? Ладно-ладно, Травин вот здесь, доложил уже. Значит, слушай, через двадцать минут, а то и раньше, у тебя будут ребята из ОГПУ, сразу им бандитов не отдавай, оформи все как положено. Надоели уже? Ты уж потерпи, только смотри, не напортачь.

Емельянов положил трубку, посмотрел на Травина.

— Если и вправду канал контрабанды нащупали, начальник твой может дырку под знак крутить. Ну и тебе дадут какую-нибудь цацку.

Травин насупился и тяжело задышал. По его мнению, отдавать свежевывловленных бандитов другой службе было неправильно — Крапленого выслеживали почти три месяца, одного агента, который в банду внедрил, подвесили на дереве прямо в сквере напротив Курско-Нижегородского вокзала и еще живому выпустили кишки. Будь воля Сергея, бандиты бы сейчас не в Сокольниках прохлаждались, а лежали трупами там же, где их обнаружили.

— А ты что хотел? Раз живыми привезли, дальше все по законам республики. И да, хорошо, что ты приехал, а не кто-то другой, я уже сам собирался тебя вызвать под каким-нибудь предлогом, — начальник полез в ящик стола, достал оттуда лист бумаги, положил рядом с собой текстом вниз. — Ты сколько в угро служишь, год почти?

— Одиннадцать месяцев.

— Как тебе Тыльнер?

— Отличный парень. Грамотный, цепкий, под пули лезть не боится. Ты к чему это, Василь Василич?

— То, Сергей, что вы с ним одноклассники. А ума у Георгия Федоровича в сто раз больше, он в сомнительные дела не влипает и где надо осторожность проявляет. Давай, читай, ты же у нас грамотный.

Сергей развернул сложенный вчетверо лист, исписанный четким ровным почерком.

— Начальнику МУУР Емельянову Василию Васильевичу, — начал он. — Это чего за писулька такая?

— Читай.

— Заявление. Довожу до Вашего сведения, что агент угро Травин Сергей Олегович есть недобитая контра, обманом проникшая в органы. Сволочь эта беляцкая происхождение имеет самое что ни на есть эксплуататорское. Отец его, купец первой гильдии Олег Травин, держал в Выборге завод и рабочих угнетал, а как социалистическая революция победила, драпанул в Америку подальше от народного гнева... Что, правда целый завод?

— Завод, завод, — кивнул Емельянов. — Читай дальше.

— В 1919 году этот Травин воевал на стороне белофиннов в нашей Советской Карелии и только из-за уничтожения документов смог избежать справедливого наказания. — Травин хлопнул по бумажке. — Василич, грамотный человек писал, смотри, как фразы строит. Косит под люмпена, но ведь прорывается же у него гниль интеллигентская!

— Ты читай, Сережа.

— После войны эта контрреволюционная гнида обманым путем проникла в ряды доблестной рабоче-крестьянской милиции и до сих пор скрывает свою гнилую сущность, маскируясь под честного агента московского угро. Прошу разобраться и вывести на чистую воду. Агент третьего разряда Иосиф Соломонович Беленький.

Погоди, это же тот Йося Беленький, бывший делопроизводитель, который сейчас у нас сидит фотографом? Я-то чем ему навредил?

— Это я уж не знаю, с чего он на тебя взелся. Может, жену ты у него увел или мотоцикл твой ему понравился, на котором ты везде раскатываешь. Но, скорее всего, не сам он это придумал, подсказал кто-то. Потому что ты, Сережа, пиджон — на мотоциклетке по Москве рассекаешь, с сомнительными людьми дружбу водишь, по кино шастаешь, а в пивнушку не заглядываешь.

— Ты же знаешь, что все это неправда, — Травин перестал дурачиться, серьезно поглядел на начальника. — Василич, у меня к белофиннам свой счет, как я мог им помогать? Ты-то этому не веришь, так?

— Ты еще расскажи всем, друг мой, что и не купец вовсе. Если бы ты мальчонкой у нас в авиаотряде не околачивался всю империалистическую, стал бы я с тобой возиться, сам посуди. Я ж тебя с тринадцати лет как облупленного знаю. И остальное тоже помню, про происхождение твое и про то, как финны твою невесту в Выборге порешили, после чего ты на фронт мстить отправился. Так?

Травин насупился и не отвечал.

— Молчишь? Правильно, сказать-то нечего. Слушай, что умный человек тебе скажет, сложные времена наступают. Скоро реорганизация начнется, наш угрозыск выводят из ЦАУ и передадут в прямое подчинение в наркомат. Начнутся новые чистки, как в двадцать четвертом, и всех

бывших, кого тогда в органах оставили, в этот раз уже не пропустят. А там и меня сместят, некому будет тебя прикрывать по вот таким вот ложным доносам. Может, и правда тебе лучше в ремонтных мастерских было оставаться и не переходить в угро, там, среди работяг, поспокойнее.

— Так и сместят?

— Отправят на хозяйственную работу, — кивнул Емельянов. — На ответственную должность. Вопрос уже решенный, может, до дня революции, но скорее всего — зимой. Новое начальство придет, будет все дела проверять, тогда и за тебя ухватаются, и Беленького этого вспомнят, и других — ты же выживаешься, а таких у нас не любят. Вон как сейчас записку эту читал, гладенько, почти на бумагу не глядя, а не по складам, водя пальцем по строчкам. А в свободное время? Нет чтобы, как все нормальные люди, выпить, погулять, морду кому набить по пьяни, ведешь себя так, что прям белая кость торчит.

— Не берет меня водка, организм такой, — Травин покачал головой. — Чего ценный продукт переводить.

— Ты бумажку-то мне верни, ей еще ход давать. Сейчас недосуг, но через неделю будем разбираться, кто тут контра недобитая.

— Да чего уж там, — Сергей отдал донос. — А Беленького я прикончу. Эта падла на задержания иногда выезжает, хоть и трясется, как заяц. Правильно делает, против судьбы не попрешь, настигнет его случайная бандитская пуля.

— Не глупи, — строго сказал Емельянов. — Чтобы пальцем никого не трогал, а то дури в тебе полно, после ранения только прибавилось, если что случится — выгоню из органов в момент. И чтобы глаза здесь не мозолил, со следующей недели работаешь в Замоскворецком райотделе у Рудольфа Лациса, там тебя почти никто не знает — новых сотрудников понабрали из пролетарского резерва, он уже с неделю у меня какого-нибудь опытного агента требует.

— Как же так, Василич, мы с ребятами сдружились, и вообще, карманников ловить — не мое это.

— Ты мне поговори еще. Куда скажет начальство, туда и пойдешь. Тыльнер на тебя вон тоже жалуется, говорит, руки распускаешь при задержании, две недели назад человека чуть до смерти не забил.

— Так то насильник был, мразь такая, малолеток зажимал. Пристрелить его по-хорошему было надо, я только и ударил-то два раза.

— Ему хватило, до сих пор не узнает никого, кормят с ложечки, доктора говорят — чисто овощ. Так что посидишь в отделении в секретном столе, ума понаберешься. Писульку эту я на контроль поставлю, но дело твое чистое, как-никак классово близкий революции элемент, потомственный крестьянин Сальмисского уезда Выборгской губернии, бывший красноармеец, герой Карельского фронта, под пули ходивший за революцию, только немного заблудившийся по причине ранений и тяжелой контузии, верно я говорю?

Травин кивнул.

— А Беленький этот — из семьи торгашей, такие только выгоду чувят, на наше дело им плевать. Да и родственничек за ним иногда присматривает, который самого Ленина охранял. Так что не связывайся, и сам цел будешь, и другим хлопот меньше.

— Все равно я его придушу.

— Травин, хоть одно замечание, и поганой метлой тебя из органов выгоню. Лично приказ подпишу. Все понял?

— Служу трудовому народу, — Травин выпрямился, щелкнул каблуками.

— А вот эти замашки отставь. Забудь, словно не было никогда. Прорвется что-то такое, и никто тебя не вытащит, свои же по подвалам затаскают. Возвращайся к Осипову, а я с Артузовым разговаривать буду, чую, ночка веселая предстоит.

ГЛАВА 2

Июль 1922 года

Москва, Первая психиатрическая больница

— Проснулся, касатик? — медсестра в холщовом белом фартуке положила ладонь на лоб лежащему молодому мужчине. Нет, температуры не было, но градусник все равно поставить придется — таков порядок. — Буянить не будешь сегодня?

Мужчина кивнул головой и сморщился.

— Вот и хорошо, доктор сейчас придут, обход только начался.

Больной закрыл глаза. Профессор Зайцев лечил его три месяца, применяя новейшие, как самому профессору казалось, методики. Александр Минович считался подающим надежды будущим светилом нарождающейся советской психиатрии, почти наравне с одним из бывших начальников клиники, Гиляровским. На месте директора Первой психиатрической больницы Зайцев очутился после того, как его предшественник, Алексей Лукич Любушин, продемонстрировал своим студентам в качестве учебного пособия бывшего сотрудника ВЧК и уехал в ссылку. Но от больных профессор отказываться не стал и каждую среду в семь часов утра производил обход в сопровождении ординаторов.

До больного Александр Минович добрался только к восьми — на его взгляд, случай был сложный, но себя уже исчерпавший.

— Сергей Олегович Травин, — прочитал на табличке один из ординаторов. — Тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения, диссоциативное расстройство идентичности.

Зайцев задумчиво кивнул, по его мнению, этот пациент уже две недели только место чужое занимал.

— Ну что, голубчик, больше странные идеи в голову не лезут? — грассируя, спросил он у мужчины. — Видения всякие, фантазии?

Тот замотал головой.

— Так кто вы у нас?

— Сергей Олегович Травин, родился в Сальмисском уезде в тысяча восемьсот девяносто девятом году, закончил ремесленное училище в Выборге, сирота. Воевал на Карельском фронте, сюда попал в результате контузии.

— Вот! — Зайцев поднял указательный палец вверх. — Обратите внимание, больной ничего этого не знал, когда здесь оказался, но благодаря правильно выбранной тактике лечения почти все вспомнил — самостоятельно, заметьте, никто ему не подсказывал. Значит, первичная личность взяла верх и полностью растворила дуальную. Несколько месяцев медицина пыталась ему помочь, случай, казалось бы, сложнейший, но наука, коллеги, не стоит на месте, а движется семимильными шагами, и теперь мы его готовим к выписке, возвращаем, так сказать, обществу полноценного гражданина. Запомните, а лучше — запишите, да-да, барышня, я к вам обращаюсь, доставайте карандаш и пишите. Раздвоение личности, или дуализм, или множественная личность, как еще называют это диссоциативное нарушение, отлично лечится посредством воздействия электрического...

На пациента он уже не обращал внимания. Еще вчера вечером профессор Зайцев подписал документы, теперь этого молодого человека подержат пару дней и выпишут из лечебницы — полностью здорового.

Сам больной так не считал.

Наоборот, еще полгода назад он был уверен, что его зовут Евгением Должанским и что до

того, как очутиться в психушке, он прожил совсем не ту жизнь, о которой сейчас рассказывал. И с автоматом пришлось побегать, и швейцаром в элитном доме для российских буржуев поработать, и даже в душном офисе посидеть, только потом удалось открыть собственную мастерскую, пусть маленькую, но для души. И это ему еще повезло, руки из нужного места росли, а вот одной ноги не было. Как именно он ее потерял и в какой жаркой стране, больной вспоминать не любил.

Он вообще не любил вспоминать — любая попытка вызвать картинки прошлой жизни тут же приводила к сильнейшему приступу головной боли, с рвотой и потерей сознания. Даже не так, прошлых жизней — теперь у него их было две. И здесь считалась настоящей как раз вторая, приобретенная, что бы там профессор ни говорил. Электрический ток, которым Зайцев его пытал, действительно помог, боль от разрядов помогала выныривать из беспомощности и крохами урывать то, что помнило это тело. Здоровое, с двумя ногами, мощными кулачищами и таким ростом, что он на кровати едва помещался.

Поначалу он еще пытался спорить, выяснять, где находится, но потом смирился. С тем, что здесь нет интернета, телевидения и сотовой связи, а первый спутник полетит в космос только через тридцать четыре года. И что для того, чтобы выяснить, где он и что происходит вокруг, недостаточно провести пальцем по экрану, нужно спрашивать. Или вспоминать то, что осталось

ему в наследство от прежнего владельца тела, через тошноту, спазмы и обмороки.

За себя Евгений, он же Сергей, не беспокоился. Двадцать лет скинул, здоровье, если не считать приступов, присутствует, руки-ноги на месте, больная голова — тоже. Из того времени, где он оказался, помнились только революция и Великая Отечественная война, а вот что между ними происходило, больному было неведомо — в детском доме школьные занятия были не в чести. Но люди же жили как-то, значит, и он сможет, надо только найти занятие по душе.

Перед прежним Сергеем вины он не чувствовал — тот, даже со скудными познаниями нового Сергея в медицине, после взрыва гранаты и обрушения дома был не жилец. Хорошо хоть воспоминания остались, для адаптации полезные, хоть и не все, уж очень жизнь у этого Сергея Травина была пестрая и сложная. Больной вздохнул, кое-как поднялся с кровати, вышел в коридор и вернулся через несколько минут с газетой «Правда» — хоть давности и недельной, но здешней.

Август 1927 года

Город Рогожск Московской губернии

Конец августа десятого года от Октябрьской революции выдался жарким и сухим, дороги, даже самые никудышные и разбитые, подсохли после июльских ливней и при малейшем нарушении их спокойствия выдавали солидные клубы пыли, сопровождающие путешественников.

От Москвы в Рогожск вел тракт, отсыпанный щербнем еще при царском режиме, в границах города он переходил в брусчатку, местами поросшую травой. Сообщение между уездным Рогожском, где располагались крупные мануфактуры, и губернской столицей было хоть и оживленным, но происходило в основном по железной дороге и реке, а по тракту тянулись в основном конные обозы мелких частников с продовольствием, изредка разбавляемые грузовиками, обгонявшими неспешную вереницу телег.

Здание Совета местных депутатов, где в промежутках между бурными собраниями тихо вел свою деятельность исполком, стояло на пересечении улиц Девятого Января и Советской, аккуратно наискось от бывшей женской гимназии, а теперь школы второй ступени имени видного советского писателя, а до этого почетного академика Императорской академии наук В. Г. Короленко.

Травин появился возле здания Советов за час до полудня, распугав кур и прочую живность. Точнее говоря, переполошил их не сам Сергей, а чадящее бензиновым дымом чудовище, выдающее посредством двигателя внутреннего сгорания страшные звуки и одиннадцать лошадиных сил. Мотоциклов в Рогожске отродясь никто вживую не видел, так что стоило Травину слезть с двухколесного красного агрегата с золотой надписью «Indian» на бензобаке и выставить заднее колесо на трапеции, вокруг тотчас начали собираться редкие прохожие. Ближко они не подходили, многие крестились по старой

привычке. Проходящий мимо поп тоже перекрестился, плюнул и зашагал прочь от дьявольского изобретения, походя благословляя прихожан. Смелее всего вели себя дети, прибежавшие из сквера имени видного мыслителя революции Энгельса — они собрались кучкой возле мотоцикла, глядя на технику жадными глазами. Из разнородной, кое-как одетой детской толпы можно было выделить прогуливающихся занятия учеников — по завязанным на шее красным галстукам.

Сергей, как смог, стряхнул дорожную пыль с одежды, подхватил под мышки ближайшего к нему мальчонку в рваной грязной рубахе, с черными босыми ногами, тот завизжал, но сразу перешел на восторженный писк, как только его поместили на коричневое кожаное сиденье.

— Как зовут? — строго спросил его Травин.

Мальчик молчал, вытаращив глаза.

— Емеля это, — подсказал кто-то из его друзей, что побойчее.

— Так, Емеля, назначаю тебя главным часовым. Смотри, это руль, клади ладони сюда. Не бойся, не укусит тебя этот железный зверь. И следи, чтобы никто не покусился на социалистическую собственность. Сделаешь?

Емеля от избытка чувств пискнул, гордо глядя сверху на товарищей. По его виду было понятно, что он скорее умрет, чем даст какому-нибудь злодею его оттуда стащить.

— Ну и молодец, — Травин еще и шлем с круглыми очками нацепил на мальчика, отчего Емеля

стал похож на чудище из народных сказок, и поднялся на крыльцо исполкома.

В приемной председателя исполкома совсем еще молоденькая машинистка, белобрысая, с конопатым лицом и комсомольским значком на едва выпирающей груди, ожесточенно стучала по клавишам машинки «Ремингтон и сыновья». При виде высокого широкоплечего посетителя она смутилась и покраснела, но тут же взяла себя в руки, напустила строгий вид и кивнула на стулья возле массивной дубовой двери, одной из двух, на которой было написано: «Заместитель председателя Карпенко И. И.». Вторая дверь — председательского кабинета — была широко распахнута, но внутри никого не было.

Травин ждать не любил. А когда приходилось, немного нервничал. Он постоял пару минут у окна, наблюдая, как Емеля с товарищами обороняют его железного коня от любопытных городских жителей, потом подошел к столу машинистки, положил руки на столешницу и оперся на них, нависнув над девушкой, которая все это время незаметно, как ей казалось, постреливала в его сторону глазками.

— Как звать, красавица?

Машинистка покраснела еще сильнее, потом выдавила из себя имя:

— Любовь Акимкина.

— Мне к председателю, Любушка, да побыстрей бы.

Машинистка срывающимся голосом сказала, что председателя Губкина нет и до завтрашнего дня не будет, а его заместитель занят, но потом кивнула.

Сергей улыбнулся ей, подмигнул и, легко распахнув тяжеленную дверь с доводчиком в виде гири на цепочке, проник в кабинет.

— Травин Сергей Олегович, — представился он, глядя сверху вниз на стоящего возле конторки толстого мужичка в потрепанном френче.

Тот молча уставился на значок «Честному воину Карельского фронта», привинченный над левым карманом гимнастерки аккуратно напротив его глаз, сглотнул, откашлялся. Потом перевел взгляд на запыленные сапоги гостя и таращился на них еще несколько секунд.

— По какому делу, товарищ? — наконец разродился хозяин кабинета, вернув взгляд обратно, к значку. Выше он смотреть почему-то не решился.

— Прибыл по предписанию — на должность завхоза второй детской колонии имени Карла Маркса... — Травин протянул лист с печатью.

Зампред бережно взял бумагу, сел за стол — солидное изделие прошлого века, с завитушками, бронзовыми купидонами и ножками в форме львиных лап, прочитал ее два раза, шевеля губами, и наконец, поднял бесцветные глаза на посетителя. Посуровел кустистыми бровями.

— Так ведь нету, — сказал он.

— Чего нет?

— Колонии у нас нету.

— Куда же она девалась?

Толстяк еще раз изучил бумагу, насупился. Зачем-то снял трубку с черного телефонного аппарата, подул в нее и повесил обратно.

— Что вы мне голову морочите, товарищ. Вот же сами смотрите, у вас в предписании указана колония имени Карла Маркса, с адресом в Нижегородской губернии, но направлены вы почему-то к нам. Ошибка в документах.

— И что же мне делать? Ехать обратно? — Травин мысленно выругался. Сам он полученное рано утром предписание прочитал вскользь, но чуял, что без подлянки чьей-то не обошлось.

Хозяин кабинета снова уставился на бумагу с печатью, в нем боролись два чувства. С одной стороны, ну его, этого Травина, если послали в колонию, пусть туда и едет. А с другой — вот здесь уже человек, и потребности в людях у местных организаций имеются.

— Дык вот здесь, — наконец решившись, сказал толстяк, — написано, что если назначить на указанное место не удастся, то мы вправе предложить вам а-на-ло-гич-но-е. Да, аналогичное, что значит — похожее. Вы, товарищ Травин, учились где-нибудь?

— Аккурат перед революцией реальное училище окончил. Хотел в университет поступать, но происхождением не вышел, буржуи не дали.

— Ну вот, образование имеется. А поскольку, товарищ, направлены вы все же к нам в уезд, о чем и пометка имеется соответствующая, а назначить мы вас в колонию эту не можем за не-

имением таковой, то, значит, готов предложить вам другую хозяйственную работу.

— Это какую же?

— В комхозотделе у нас недокомплект, начальство ихнее назначенцев требует, а старые кадры кто разбежался, кто в Москву или Ростов подался. Вы, я вижу, воевали?

— Да уж, довелось. Обе войны с финнами. На Карельском фронте подстрелили, когда от белофиннов нашу землю освобождал.

— Значит, огонь и воду прошел, — собеседник Травина хлопнул ладонью по столу. — А после фронта чем занимался, товарищ?

— Лечился после ранения долго, а как поправился — в гараже сначала механиком работал, а потом начсклада, — о своей недолгой сыскной карьере Сергей решил пока не распространяться, вот получат его дело, пусть сами тогда читают.

— Хорошо, стало быть, опыт хозяйственный имеется, и цифирей не боишься. Есть для тебя, товарищ Травин, должность инспектора, работа ответственная и, я бы даже сказал, опасная.

— Это который движение регулирует или билеты продает в трамвае? — Сергей, проезжая через город, успел заметить, что прямо по Владимирскому тракту проходит одноколейная линия, по которой ходит новенький трамвайный вагон немецкой марки «Сименс».

— В трамвае — это кондуктор, товарищ, — строго сказал зампредседателя. — А инспектор — он следит, чтобы нэпманы всякие и недобитки буржуйские, которым страна временно довери-

ла свое имущество, его не разбазаривали абы как, а использовали по назначению. И вовремя за него плату вносили. Понятно?

— Нет, — честно сказал Травин. — Но я, если нужно, разберусь. А старый где инспектор? Ну тот, чье место освободилось?

— Пристрелили зимой, — погрустнел толстяк. — Сам, дурак, виноват, сунулся в одиночку в артельный склад, а там цех подпольный, контрабанду шьют, вот и кончили его эксплуататоры. Нет чтобы милицию позвать, решил, что сам справится. Но ты, товарищ Травин, будь поумнее, на рожон не лезь и, если что, сразу в органы сообщай. Ну как, согласен?

— Даже не знаю, в колонии как-то спокойнее будет, — Сергей сжал кулаки, бухнул на стол.

Зампредседателя чуть побледнел.

— Трое вас там, инспекторов, — торопливо сказал он, — участок тебе дадут какой полегче, оклад седьмому разряду приподняли, сто рубликов по новой тарифной сетке, а мы и с жильем поможем, койку обеспечим в общежитии, и талоны на усиленное питание в городскую кооперативную столовую выдадим, как герою революционной войны. И дрова на зиму за счет города.

— Десять червонцев, говоришь?

— Как есть десять, — закивал головой толстяк. — Соглашайся, товарищ. От Москвы близко, а еще в нашем городе трамвай ходит, небось, видел уже, и театр есть, и даже синематограф. От профсоюза контрамарки будут, если ты это дело любишь. И люди тут знаменитые бывают,

артисты там, писатели, город у нас хороший и быстро развивается, не то что при царизме дыра дырой был.

Травин для приличия подумал, потом кивнул.

— Эх, ладно, — сказал он. — Только из любви к синематографу и уважения к тебе, товарищ Карпенко, как по имени-отчеству тебя?

И вопросительно посмотрел на начальника кабинета.

— Исидор Иванович, — представился тот.

— Из уважения к тебе, Исидор Иванович, соглашусь. Ну и дрова тоже не лишними будут.

Тут дело завертелось. Прибежала машинистка Люба, выслушала указания начальства, быстренько напечатала приказ, на который зам-председателя поставил широкий росчерк, приложила к приказу синюю печать с гербом, и Травин почти стал полноправным членом местной бюрократии.

— Это совсем рядом, — Люба вызвалась проводить Сергея до нового места работы. — Наш исполком на Советской улице стоит, а ваш, товарищ Травин, коммунхоз — тридцать четвертый по улице Третьего Интернационала. Так-то он к наркомату внутренних дел относится, но и к исполкому тоже, до сих пор не могут решить, кто за что отвечает. Там начальником товарищ Кац Лев Аверьянович, так он сейчас на месте, я уже узнала.

— Так не пойдет, — Травин решительно махнул рукой, чуть было не пропустив девушку впе-

ред, по старой привычке, но вовремя спохватившись. — Что ты меня на «вы» называешь? Я что, старик какой? «Ты» и Сергей, запомнила?

Машинистка неуверенно кивнула. Они вышли на улицу.

— И чтоб мне без этих выканий буржуазных. На мотоцикле каталась?

— Это ваш, то есть твой? — пролепетала Люба, глядя на иноземное чудо широко раскрыв глаза.

— Да, — коротко ответил Травин. — Емеля, докладывай, были происшествия?

— Нет, товарищ командир, — пацан уже освоился, даже очки натянул на глаза.

— Тогда, Любань, постой здесь и никуда не уходи, я на секунду.

Сергей оседлал железного коня, завел, выпустив в немногочисленных зрителей клуб сизого дыма, прокатил Емелю на багажнике до вокзала и обратно. Потом ссадил пацана на землю — тот сразу как будто выше ростом стал и важно что-то начал объяснять приятелям. Травин улыбнулся, похлопал по сиденью рукой.

— Люба, прошу.

— Ой, — сказала машинистка, — может, я лучше пешком, тут два шага всего?

— Нет, никаких пешком. Не бойся, держись за меня крепче.

Девушка так и поступила, обняла кавалера руками, прижалась всем телом, якобы от страха, а потом и вправду от страха, когда мотоцикл тронулся и с ревом промчался шестьсот с небольшим метров до коммунхоза.

Напротив двухэтажного здания из красного кирпича, дореволюционной постройки, в котором раньше жил купец третьей гильдии Веселкин, стигнувший в годы пролетарской диктатуры вместе со всей своей семьей, а теперь занятого коммунхозотделом, располагалась артельная чайная, открытая, как определялось декретом местного Совета, с раннего утра и до десяти вечера, чтобы пролетарий мог и перед работой поесть, и после нее культурно отдохнуть. Днем в чайной посетителей было раз-два и обчелся, рабочий люд собирался под вечер, выпить и закусить, а те, кто тунеядствовал, в основном еще спали или похмелялись дома, без лишних завистливых глаз.

За пустым столиком, вытащенным прямо на улицу, сидели двое парней, оба в рубашках навыпуск, парусиновых штанах и сандалиях фабрики «Скорострел» на босу ногу. Один — рыжий, худощавый, невысокого роста — с тонким неприятным лицом, курил папиросу, второй — рослый, полноватый, с короткими русыми волосами и носом картошкой — просто развалился на стуле, подставив лицо солнечным лучам.

— Что за фраерок залетный на лисапедке нарисовался? — спросил рыжий. — Пришлый какой?

— Не знаю, — русоволосый засопел. — Гляди-ка, с ним Любка Акимкина, сеструха Сеньки Рябого. Вот ведь стыда у шалавы нет, прижалась и держится. Никак новый хахаль ейный.

— Может, и хахаль, только навряд ли, уж больно скорое знакомство у них получается.

А ну, Весло, метнись-ка, дождись, если выйдет одна, и разузнай у нее, что и как.

Весло тяжело поднялся, незаметно, как ему показалось, кинул недобрый взгляд на рыжего и потопал к коммунхозу.

В отличие от сонного исполкома, в отделе коммунального хозяйства кипела работа. Многочисленные сотрудники в пиджаках и без сновали из кабинета в кабинет с пачками бумаг. Один до такой степени был увлечен бюрократической ношей, что прямо головой врезался в Травина, удивился препятствию, кое-как обошел, пританцовывая на цыпочках, и тут же помчался дальше.

Строгая секретарша в большом зале, откуда вели в отдельные комнаты пять дверей, рассортировывала посетителей по одной ей понятной схеме. Мельком взглянув на подписанную бумажку, она тут же выхватила ее из рук Любы и скрылась за второй дверью слева, с солидной бронзовой табличкой. Через секунду выскочила, строго кивнула и тут же занялась другими делами.

В кабинете, где обитало руководство коммунхоза, было накурено. Сизые клубы дыма занимали практически весь объем помещения, плавая то сгущавшимися, то расходившимися облаками, они переливались в лучах солнца, бившего в окна, обволакивали посетителей и душили их в своих объятьях. Приятно душили, запах английского табака Травин вдохнул полной грудью, а вот исполкомовская машинистка расчи-

халась и попыталась руками отогнать от себя местную атмосферу.

Лев Аверьянович Кац, пожилой мужчина с грустным носом и курчавой седой шевелюрой, куривший трубку, нового сотрудника встретил равнодушно.

— По направлению товарищ пришел? — спросил он отчего-то не у самого Травина, а у Любы.

Та кивнула, Сергею показалось, что Каца она недолюбливала.

— Карпенко мне позвонил уже. Телефонную линию ему провели прошлой осенью, таки он никак не наиграется. Вы, товарищ, присаживайтесь, — начкоммунхозотдела кивнул на стул, повертел в руках приказ и бумагу из Мосгубисполкома, — а вы, гражданочка машинистка третьего разряда, свободны, дальше мы с товарищем Травиным сами как-нибудь, без посторонних.

Люба фыркнула и с гордо выпрямленной спиной вышла. Дверью хлопнула, распугав клубы дыма.

— Пропесочат меня на комсоставе, — грустно хмыкнул Кац. — Нарисуют опять бюрократам, на мещанское прошлое надавят, в партком нажалуются. Никак не дойдет до них, что работать — это не только собрания устраивать и строим под песни маршировать. Так что, товарищ Травин, Москва таки вам не по душе пришлась?

— Так получилось, — Сергей развел руками. — Послан в уезд укрепить хозяйственный актив.

— Ну да, ну да, дело мы ваше запросим в вышестоящей организации, но раз уж направление

из губернского комитета есть, думаю, все будет в ажуре. Раньше с документами работали? Считать умеете?

Травин кивнул.

— Вот и превосходно. Инспекторов по имущественным объектам у нас временный недокомплект, у каждого свой фронт работы закреплен, и, если даже одного нет, у других нагрузка намного больше становится. Работа несложная, но требующая революционной внимательности и физической выносливости. Частник — он только и ждет, когда социалистический надзор ослабнет, чтобы схитрить, понимаешь, или выгоду свою поиметь. Финансовыми делами ведает фининспекция, мы в ее дела не лезем, если вдруг что серьезное — это сразу в отдел по хищениям местного сыска, то есть уголовного розыска, ну а первостепенная задача вашего подотдела — следить, чтобы на вверенной вам территории городские здания содержались в порядке, работы по уборке прилегающих территорий производились дворниками своевременно, заборы были в надлежащем состоянии, деревянные части покрашены, а арендаторы народной городской собственности вовремя вносили обременительный платеж, на что должна быть квитанция уездного банка. И чтобы в торговых помещениях производство не держали, склады не устраивали и имущество городское не портили.

— Не так уж мало делать придется, — осторожно сказал Сергей.

— Тут вам не столица, — веско ответил Кац. — Коммунальное хозяйство большое, но строения в большинстве или частные, или к другим ведомствам относятся. Так что клиенты наши в основном парикмахерские, чайные, похоронные бюро да магазины. Ну и жилые строения, которые городом сдаются внаем. Я бы вам другую работу предложил, например, транспортный подотдел нуждается или водоснабжения, но опыта у вас нет, тут образование специальное требуется. Так что начнете вы с резервного фонда, который простаивает, и потихоньку, может, недельки через две-три, будете уже и к нэпманам заглядывать.

— Это я справлюсь.

— Не сомневаюсь. Остальные инспекторы у нас давно работают, тонкости знают, и вы освоитесь. А пока начните с малого. Зайти во вверенное помещение, посмотреть, что и как, не обвалился ли потолок или не затопило ли подвал, не собираются ли элементы деклассированные, ордера не имеющие, тут любой сможет. В пинкертонов, молодой человек, играть не нужно, один вон таки поиграл, так теперь на погосте табличка с его именем нарисована. Так что вливайтесь в работу, товарищ, сегодня же дадим койку в фабричном общежитии, в исполком сходите — они вам талоны оформят на питание. В столовой, я вам по секрету доложу, готовят не очень, так что настоятельно советую продуктами взять. Сегодня отдохайте, осмотритесь, что и как, и с завтрашнего дня в бой. Первую неделю

с Афанасием Лазаревичем походите, а потом уже самостоятельно.

— Думаете, вникну за неделю? — Сергей улыбнулся.

— Молодой человек, — Кац вернул ему улыбку вместе с очередным клубом дыма, — революция прикажет, и мы справимся с чем угодно. Табачок нравится? У Ковальского в кооперативной лавке, по червонцу фунт. Дерет, зараза, в три шкуры, но товар того стоит.

— Да я больше папироски смолю, Фабрики имени товарища Урицкого.

— Трубочный табак и папиросный — две большие разницы, но как будет угодно. Встретимся завтра в восемь утра, товарищ, я вас Афанасию нарисую, и тогда уже с почином, — Кац поднялся, подошел к двери, приоткрыл ее: — Зинаида Ильинична!

Неожиданно громкий возглас Каца заставил Травина вздрогнуть. Второй раз он содрогнулся, когда в кабинет неторопливо вплыла дама шикарных объемов, казалось, еще чуть-чуть, и войдет она вместе с дверной коробкой. Мощная грудь и не менее мощный зад покоились на монументальных ногах, и талией по причине ее отсутствия не разделялись.

— Зинаида Ильинична, — Кац разве что слюну от вожделения не пустил, — вот товарищ из Москвы, Травин Сергей Олегович, будет у нас работать. Надо организовать ему жилье, направить в профком за талонами на питание и передать Афанасию Лазаревичу.

— Он завтра будет, — сквозь губу процедила женщина, снисходительно глядя на начальника. На Травина она взглянула мельком, но заинтересованно, отчего Сергей попытался вжаться в стул.

— Вот завтра и передадите, — Кац этот взгляд заметил, и он ему не понравился. Вытер платком лоб, протер очки. — До свидания, товарищ.

— И вам не болеть, — отчего-то сказал Сергей, бочком пробираясь мимо женщины. Та, оценив его потуги сбежать, только снисходительно усмехнулась.

ГЛАВА 3

1913 год

*Офицерская воздухоплавательная школа,
Гатчина*

На летном поле стояли два биплана Вегенера. Сам авиаконструктор, капитан Вегенер, сидел на низенькой табуреточке возле кучи железяк, аккуратно разложенных на белой простыне. Рядом с ним высокий белобрысый парнишка, на вид лет четырнадцати, пытался засунуть шестеренку в почти уже готовый узел.

— Ты поаккуратнее, — Вегенер сосредоточенно смотрел на запасные части, словно они силой его взгляда должны были сами собраться в какой-то очень нужный для биплана элемент. — Нежнее, это же техника, к ней как к барышне надо, с пониманием и лаской.

Парнишка покраснел, ему на самом деле было всего двенадцать, и о барышнях он имел довольно смутное представление.

— Ничего, подрастешь еще, узнаешь, что почему. Вон твой отец идет, сегодня очередной вылет у него?

— Да, на Меллере.

— Что-то сдал штабс-капитан, врачи что говорят?

— Только руками разводят, — парнишка сплюнул на землю, — коновалы. Порошками пичкают, клизмы ставят, а все без толку. Александр Николаевич, вот почему доктора сами не знают, что делают? Вот самолет, в небо летает, мы его можем собрать и разобрать, из двух один сделать, еще лучше, чем были, чудо ведь, а организм человеческий, он же проще гораздо, чего там, сердце да печень с почками?

— Потому что, Сергей, самолет люди построили, а человек — дитя Божье, а значит, не постичь нам нашей собственной сути никогда. Уяснил?

— Нет, не пойму я. Мы же как птицы теперь летать можем, считай, то, что Бог дал, мы превзошли.

— Подрастешь, поймешь. Сие не для таких недорослей, тут опыт жизненный нужен. Нет на этом свете ничего более сложного, чем человеческое существо. Ну а пока мы должны с этим регулятором закончить, так что не отвлекайся.

...Вспышка, приступ головной боли накатил ожидаемо, но от этого не менее сильно.

1927 год

Рогожск, Московская губерния

— Это что за здание?

Заколоченный досками большой одноэтажный дом в конце Рабочей улицы, кирпичный, с большим чердаком и пристроенным флигелем проходил по документам как жилое строение. Сергей посмотрел покрытый печатными знаками лист, там ничего конкретного не содержалось.

— Чего его не сдадут под квартиры? Место хорошее, от вокзала недалеко, почти центр города, считай.

Афанасий Лазаревич, невысокий, слегка полноватый немолодой уже человек, только усмехнулся.

— Чудак ты, Сережа, — сказал он. — Такое в бумагах не напишут. Нэпман тут жил, Абрикосов фамилия, ничего особенного, мелкий торгаш, товар покупал на ткацкой мануфактуре и перепродавал, так его вместе с женой тут и порешили. Я сам не видел, говорят, топорами их на части разрубили, кровящи было столько, что все половицы пропитала, и полы теперь перестилать нужно.

— Кто сделал, неизвестно?

— Кто ж знает, следствие два месяца продолжалось, никого не нашли. Небось, кому-то дорожку перешел, или деньги водились в доме, в городе у нас пока спокойно, а вот в остальном уезде шалят, за копейку убить могут. Пометь-ка у себя — забор покосился, в ненадлежащем состоянии. Видишь, штакетины оторваны, и столб один ушел вбок. Сгнил, наверное.

— Чинить надо?

— Нет, просто пометь. Кто ж этим заниматься будет, деньги и так скудно выделяются. Вот найдутся жильцы когда-нибудь, назначат управдома, он и займется.

— А чего не заселяется никто?

— Дурак, — Афанасий Лазаревич вздохнул. — Говорю ж тебе, убили тут семейку целую. С тех пор полгода прошло, никто и близко не подходит. Пробовали одного инженера заселить, так он в Баку сбежал через день, говорил — призраки тут живут, отрубленные головы по воздуху плавают.

— Так и плавают?

— Мне откуда знать, я туда даже заходить боюсь. Уж и попа звали, прости Господи, и что только ни делали, нехорошее это место.

Афанасий перекрестился, опасливо оглянулся, не видел ли кто. Травин только головой покачал. Сам он ни в призраков, ни в другие потусторонние силы не верил, хотя имел для этого больше оснований, чем остальные.

— Погоди, а вон флигелек — там вроде живет кто-то, — сказал он.

— Фельдшерница, — инспектор десятого разряда аж облизнулся. — Та еще штучка, из старорежимных. Красотка, доложу тебе, знатная. Она тут третий год обитает, значитца. Одинокая, без мужа живет, вроде как вдова, за ней местное начальство как только ни ухлестывало, не сдается ни в какую. В больнице местной работает, так они, как что заболело, к ней бегут,

вроде как на осмотр, чтобы, значитца, пощупала. Тьху, стыдоба.

— Она-то чего не съехала? Не боится?

— Дык кто ж ее знает. Говорят, колдунья она, к ней наши бабы гадать ходят, и бают, что как скажет — так непременно сбывается.

— Так уж непременно?

— Бабье дело дурацкое. Скажут такой, что во вторник ее в кооперативном ларьке облапошат, так она сама все сделает, чтобы точь так и произошло. Я подробностей-то не знаю, сам в такие дела не верю, — Афанасий три раза сплюнул через плечо, — а другие поступают пусть как хотят. Так, Сергей, ты чего вылупился на дом? Пошли, у нас еще кооперативный магазин сегодня по плану. У Бергмана всегда продукты свежие, глядишь, сметанки накапает, или маслица отольет, или даже ветчинки отрежет.

— Погоди, — Сергей решительно направился к дому, поднялся на крыльцо, осмотрел дверь — толстая, такую пинком не открыть. И замок висит солидный, отмычкой с нахрапа не взять. — Афоня, а дорого такой дом снять? Он же пустой стоит?

— Ох и хитер бобер, — Афанасий тоже подошел поближе, но на крыльцо подниматься не решался. — Думаешь, один такой умный? Ладно, подскажу, если оно тебе надо. Есть один ход, с хорошими помещениями не сдюжится, а вот с такой ненужностью — может сработать. Только потом попомни мою доброту, как оказия случится. Доброго денечка, товарищ следовательно.

Новое действующее лицо появилось, словно выпрыгнуло из тени. Высокий худощавый мужчина лет тридцати, в гимнастерке и брюках, заправленных в короткие сапоги, с цепкими карими глазами и коричневой кожаной папкой, стоял чуть поодаль и пристально смотрел на них.

— Дом осматриваем на случай незаконного вторжения, — торопливо объяснил Афанасий. — И с инспекцией технического состояния.

— Следователь уездного суда Мальцев Павел Евсеевич, — представился мужчина. — А вы у нас новичок?

— Да, — Сергей кивнул, — Травин Сергей Олегович, работаю инспектором в комхозотделе.

Мальцев оценивающе посмотрел на Травина. При довольно внушительном росте сам он все равно был сантиметров на десять ниже, да еще крыльцо придавало Сергею солидную фору.

— Прописку оформили?

— Оформляю, жду документы из Москвы, — Сергей как смог радушно улыбнулся. Следователь — не милиционер и не управдом, и не его дело, прописан тут Травин или нет, и коммунхозотдел к НКВД относится, а значит, с нахрапа его не взять, но ссориться с представителями органов без причины себе дороже. Это он по личному опыту знал, и по одному, и по другому, и по совместному.

— Это у вас мотоциклет американский? Наслышан. Продолжайте работу, — Мальцев хмыкнул, развернулся и ушел.

— Возле фельдшерицы вертится, — Афанасий дождался, пока следователь отойдет достаточно далеко, и не выдержал, насплетничал: — Настойчивый, она ни в какую, а он прям как сокол вьется. Ты с ним поосторожнее, говорят, человек злопамятный, год назад как сюда, в Рогожск, перевели.

Мальцев по дороге в суд зашел в административный отдел исполкома — начальника милиции на месте не было, зато нужный ему субинспектор угро сидел за столом и листал папку с бумагами.

— Привет, — поздоровался он.

— И тебе не хворать, — субинспектор Карецкий оторвался от исписанных листов. — Дактилоскопист еще работает, но, похоже, надо будет в Москву отправлять, нет тут таких пальчиков.

— Чую, те же самые сработали, — Мальцев пододвинул стул спинкой вперед, сел, облокотившись на него. — Третий налет с зимы только в нашем уезде, а по губернии как бы не десятый, широко развернулись. И нигде никаких следов, чисто стелют.

— Ну не скажи, в этот раз пальчики на ножето оставили, промашку дали.

— Чует мое сердце, и здесь промашка будет.

В уезде и так было беспокойно, нет чтобы домушники резвились или щипачи, так еще банды налетчиков активизировались, были такие, что только по зажиточным работали, и то и за кусок хлеба могли убить. Два месяца назад Карецкий и сотрудники секретного стола угро задержали

троих, мужчину, женщину и подростка: те с зимы ходили по уезду, выбирали дом, какой побогаче, просились на ночлег, а утром уходили, связав хозяев и унося все ценное. Мальцев их колол почти месяц, потом передавал дело в суд, и вот только на прошлой неделе взрослым дали по пять лет, а мальчонку в колонию отправили. И то только потому по более суровой статье не пошли, что эта троица никого не убила, одна жертва, правда, задохнулась, но тут уж умысла не доказали.

Банда, о которой говорили следователь и субинспектор, свидетелей не оставляла, зато трупов — с избытком. Почерк налетчиков позволял считать, что действуют одни и те же люди, целью бандитов были семьи с достатком, убивали всех подряд, женщин, какие помоложе — насиловали перед смертью. Не оставляли в живых даже детей, тех, правда, без жестокости убивали, аккуратно перерезали горло ножом. Огнестрел банда не использовала, предпочитала топоры и ножи, работала чисто, без следов, и вот только на последнем налете прокололась — нашли сыскари ножичек с пальцами, которые никому из домашних не принадлежали.

В уезде банда объявилась прошлой осенью, начав с нэпмана Каракаева, пятеро членов семьи трупами дождались приезда милиции, потом кооператор Берг вместе со стариками-родителями, руководитель артели Савицкий — в тот раз без детей и стариков обошлось, артельщик с женой жили одиноко, а аккуратно как снег сошел, их жертвой стала семейная пара Абрикосовых, живших

в том доме, возле которого Мальцев встретил нового инспектора.

— Инспектора нового встретил, — сказал он Карецкому. — Прописки нет до сих пор, а уже почти неделя прошла. Непорядок.

— Управдомы не по моей части, это тебе к его начальству, в коммунхозотдел. Вот если он сворует что-нибудь, сразу займусь. А что за инспектор-то такой?

— Который из Москвы, на мотоцикле разъезжает американском.

— А, по направлению. Да, наслышан уже, — Карецкий устало потянулся, потер глаза, — всех девок переполошил, только и разговоры о нем. А всего-то надо вот такую штуку себе между ног засунуть и проехаться. Где ты его встретил?

— У дома Абрикосовых, ну этих нэпманов, которых весной порешили.

— Странно. И с чего он там ошивался?

— Да вроде как по работе, вместе с другим коммунхозовским.

— А, вот оно что. Думаешь, к зазнобе твоей подбирается? — Карецкий хотел хитро подмигнуть, но вместо этого широко зевнул, показав желтые от курева зубы. — Пал Евсеич, смотри, уведет девушку. Ох, сейчас бы поспать. Вроде тихий городок, мирный, а сколько швали развелось. Из Москвы их выставляют, так они сюда, по селам хоронятся, а в Рогожск приезжают фразеров пощипать. В трамвае опять карманник объявился, сегодня уже второе заявление принесли. А как я его найду? Базарный день на носу, на-

роду тьма. Как лед на реке сошел, склады опять начали потрошить, уж засады ставим на дорогах, а они как-то просачиваются, сволочи. За лето уже одиннадцать случаев, ни одно не раскрыли. Слушай, бросай-ка ты свою кабинетную работу — и айда к нам, а то совсем там у себя в суде зачахнешь.

— Нет уж, лучше вы к нам, — Мальцев поднялся. — Со складами дела открыты, если до октября подвижек не будет, нам тут не поздоровится. Сторожа все одно твердят — появились четверо, лица замотаны, связали, товар увезли. Если недоработаем, песочить нас будут мама не горюй, считай, почти на триста тысяч добра пропало.

— Согласен, — субинспектор развел руками. — Делаем, что можем. Штат маленький, народу не хватает. И так без выходных вон пашем. Раскрыли дело профсоюзного председателя Жамкина, который заявление писал, что сейф у них в комнате взломали и похитили двести червонцев. Сейчас похититель у нас в каталажке сидит, уже признался.

— И кто он?

— Так сам Жамкин и есть. Потратил кассу на баб и водку, а потом испугался, что за растрату посадят, и решил взлом инсценировать. Нанял местного урку, тот ночью в комнату залез, стекло разбил, сейф сломал, только приятелям своим проговорился. Мы его, голубчика, повязали, а денег-то нет. Где, спрашиваем, профсоюзное добро? Он на Жамкина и показал, так тот сразу,

дурак, признался. Так что забирай обоих хануриков, дело раскрыто. А с бандой пока не получается, нет зацепок, кроме этого ножика.

— Все мы в одном положении, — жестко сказал следователь. — По шапке вместе и будем получать. Ладно, как с пальчиками определитесь, сообщите, а то вы любите сначала сами дров наломать, а потом в суд это принести.

— Обещаю, — приложил субинспектор руку к груди.

План, предложенный Афанасием, был прост, но только на первый взгляд. Никто Травину дом бы просто так не отдал, а за деньги — не было у Сергея таких денег, чтобы целый дом арендовать, чай, не нэпман.

— Значит, решил допнагрузку на себя взять? — Кац прочитал заявление, бросил на стол. — Сам додумался, или подсказал кто?

— Афанасий Лазаревич, — признался Травин.

— Вот жучила, все ходы знает. Ну да ладно, с обычным домом у тебя бы это не прошло, ты же понимаешь? — начкомхозотдела откинулся на спинку кресла, набил трубку табаком, не спеша раскурил. — А так соглашусь, и ты с жильем будешь, и нам польза, для общего дела. На то, чтобы в порядок здание привести, тебе даю шесть месяцев.

— И надбавку.

— И надбавку, — согласился Кац. — Ставка управдома низшей категории — восемьдесят рублей, значит, доплата тебе на два разряда вверх.

Тридцать целковых получишь, больше не дам, и на ремонт выделю строго по смете. Что вы там надумали с Афоней?

— Вот, — Травин развернул на столе план. — Смотрите, Лев Аверьяныч, в доме два этажа. Нэпман постарался, и к водопроводу подключился, и к электричеству, и даже яму выгребную снаружи сделал, а трубу из дома туда пустил. На первом этаже печь, от нее идет паровое отопление. Кое-что, конечно, растащили, но восстановить сможем. Внизу большое помещение, комната для прислуги, подсобка и прочее, это мы оставляем на потом, всегда разгородить можно. А наверху почти двести сорок квадратных аршин, или сто двадцать квадратных метров, их поделим на комнаты по пятнадцать метров, плюс коридор, получится шесть комнат. Шесть семей можно заселить. Или придержать для коммунхоза, будет гостиница для командированных, по четыре человека в комнате. Да, кроме двух этажей, еще чердак есть, и его можно на комнаты разделить, только утеплить надо будет или только в летнее время использовать. И подвал большой, можно под мастерские какие пустить или на склад.

— Надо обдумать, — начкомхоз выпустил большой клуб дыма. — Дом хорош, нечего ему без дела стоять. Приезжих и вправду расселяем кого куда, общежитие-то фабрике принадлежит, так что ты молодец, хорошо придумал. Осталось только привидения оттуда выселить и привести все в порядок. Кстати, дело твое обещали со дня на день прислать, само оно ушло аж в Нижний,

оттуда не допросишься, но архивная копия осталась. Есть там что-то такое, из-за чего старому еврею стоит хвататься за сердце?

Новый клуб при ткацкой мануфактуре открылся недавно, рядом с ремесленным училищем, а точнее говоря — в одном из его зданий, и по вечерам там собиралась местная молодежь. Читали стихи, пели песни, а когда самодеятельность надоедала, смотрели кино.

Следующий день после того, как Сергей воодушевил своего начальника предстоящим изгнанием злых духов из пустующего здания, выпал на еженедельный выходной, по этому случаю в клубе крутили новый фильм Барнета «Мисс Менд» с Наталией Глан в главной роли. Показывали вторую часть, первая попала в Рогожск еще весной, и многие уже позабыли, что в ней происходило, но молодежь это не смущало. Из зала звучали комментарии, а музыкальное сопровождение прерывалось громким хохотом.

Травина в клуб притащила Люба, Сергей попытался купить ей билет, но девушка только фыркнула и достала две бумажные купюры по рублю.

— В нашей стране все равны, — строго сказала она. — Как тебе не стыдно предлагать такое комсомолке, где твоя пролетарская сознательность?

Сергей возмущаться не собирался, за свою жизнь всякое повидал, среди его знакомых женского пола встречались как те, кто считал, что мужчина должен оплачивать все, так и такие же

современные девушки, не отягощенные предрассудками. И, если здраво рассудить, он предпочитал вторых, с ними и сложностей было гораздо меньше, и расставались они, когда приходило время, без особых эмоций.

Единственное, что его огорчало, так это то, что здесь членам профсоюза фабрики и комсомольцам те же самые билеты обходились по два рубля вместо трех. Денег у Травина почти не осталось, зарплата, даже с надбавкой, обещанной Кацем, светила только через десять дней, а брат подношения нэпманов он как-то брезговал, несмотря на то, что в коммунхозотделе этим промышляли многие.

Фильм он уже успел посмотреть в «Художественном», все три части, по контрамаркам от профсоюза. Картина ему и тогда не очень-то понравилась, во-первых, тем, что была черно-белой и немой, с картонными актерами и детскими спецэффектами, а во-вторых, с точки зрения сотрудника секретного стола, все эти дергания героев были пустым занятием. На месте ленинградской милиции он бы перестрелял злодеев, не успей они сойти с корабля, и закрыл тему с империалистами, но авторам картины удалось растянуть эту бессмыслицу на три часовых сеанса.

А вот Люба смотрела раскрыв рот, кричала, переживала, прижималась к Сергею невыдающейся грудью и хватала его за руку в самые острые моменты.

— Какая же она красавица, — заявила машинистка, когда картина закончилась, и они в числе